

- ³ Гоголь Н. Собр. соч. : в 9 т. М., 1994. Т. 9. С. 398, 399, 400.
⁴ Там же. Т. 6. С. 231.
⁵ Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 285.
⁶ Там же. С. 286.
⁷ Гоголь Н. Указ. соч. Т. 6. С. 50.
⁸ Увы, распространённая практика анонимного по преимуществу речевого общения (обсуждения, спора, комментирования и т. п.) в Рунете даёт слишком много

примеров полного игнорирования элементарных норм этики.

- ⁹ См.: Гольдин В. Этикет и речь. Саратов, 1978; Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения : пер. с англ. М., 1992; Дементьев В. Непрямая коммуникация и этикетные смыслы // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2005. Вып. 5; Формановская Н. Коммуникативный контакт. М., 2012.
¹⁰ Гоголь Н. Указ. соч. Т. 6. С. 68.

УДК 81'1

О ЗОНАХ РИСКА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

И. А. Тарасова

Саратовский государственный университет
E-mail: tarasovaia@mail.ru

Статья посвящена проблемным пограничным зонам филологических исследований. Обозначаются зоны риска, связанные с объектом, методами исследования и терминологическим аппаратом междисциплинарной парадигмы гуманитарного знания.

Ключевые слова: риски, междисциплинарная парадигма, когнитивная лингвистика, когнитивная поэтика, концепт.

On the Risk Zones in Interdisciplinary Research

I. A. Tarasova

The article deals with the problematic marginal zones of philological research. Risk zones related to the object, research methods, and terminology of interdisciplinary paradigm of humanities are shown.

Key words: risks, interdisciplinary paradigm, cognitive linguistics, cognitive poetics, concept.

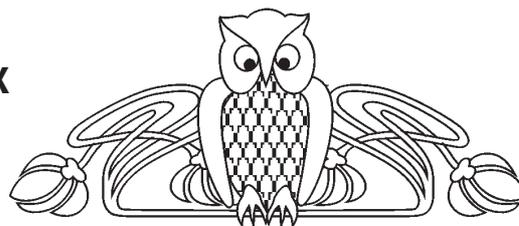
Междисциплинарный подход в филологических исследованиях – основная черта современной научной парадигмы, одно из проявлений интеграции научного знания¹.

Пограничная зона – место встречи филологии с когнитивной психологией, культурологией, социологией, антропологией, сфера диалога самих филологических наук – лингвистики и литературоведения – служат источником новых методологических импульсов, создания новых дисциплин, в частности когнитивной поэтики.

Однако междисциплинарные границы – область «ускоренных семиотических процессов»², активного смыслообразования – могут стать не только сферой научных открытий, но и зоной риска для исследователей, работающих на междисциплинарном поле.

Мы будем говорить о рисках в исследованиях, выполненных на стыке когнитивных наук, лингвистики и литературоведения.

Характеристика любой научной парадигмы содержит указание на 1) объект исследования, 2)

принятую терминологию, 3) продуктивные методы получения значимых результатов. В зону риска попадает каждый из отмеченных параметров.

Прежде всего это касается объекта когнитивных исследований, который, по определению, является ментальной сущностью. Отрыв от фактов языка как материальных носителей смысла чреват произвольностью и субъективизмом; кроме того, он заставляет исследователя «играть на чужом поле», по правилам, которыми он не вполне владеет.

На необходимости актуализации границ лингвистики в конгломерате когнитивных наук настаивает Н. Н. Болдырев, отмечая, что принцип междисциплинарности («экспансионизма» в терминологии Е. С. Кубряковой) трактуется порою слишком широко: цель лингвокогнитивных исследований усматривается в изучении работы человеческого сознания. «На современном этапе развития науки когнитивная лингвистика решает более скромную задачу – показать соотношение и взаимодействие языковых единиц и лежащих в их основе структур знания, а также на основе изучения языкового опыта смоделировать, насколько это возможно, сами эти структуры»³, – утверждает один из лидеров отечественной лингвокогнитологии.

Стремление удержаться в рамках онтологической реальности языка, сфокусироваться на его «высшей реальности»⁴ – дискурсе – привело к формированию отечественной разновидности когнитивизма, которая в работах Е. С. Кубряковой получила наименование «когнитивно-дискурсивной парадигмы»⁵.

Основное методологическое требование когнитивно-дискурсивной парадигмы – «изучать любое языковое явление на перекрестке когниции и коммуникации»⁶ – невозможно реализовать без

обращения к основной единице коммуникации – тексту.

Это тем более необходимо, что междисциплинарные тенденции приводят к нарастанию центробежных сил в поле филологической науки. Мировой опыт свидетельствует о том, что «лингвистика уже перестала восприниматься как гуманитарная дисциплина: это социальная наука, обычно связываемая с когнитивной наукой, психологией и нейробиологией. С другой стороны, филология по большей части прекратила свое существование как отдельная дисциплина»⁷. Перемещение фокуса междисциплинарных исследований в сторону текста – одна из возможностей запустить центростремительные механизмы, предотвратить риск размывания ядра филологических исследований. В этом нам видится одна из задач когнитивной поэтики.

Объект когнитивной поэтики не поддается непосредственному наблюдению, понимается ли под ним «человеческая способность продуцировать поэтические структуры и понимать вызываемые ими эффекты, т. е. поэтическая компетенция»⁸ или «ментальная основа поэтического идиостиля в аспекте ее структурной организации и типологии базовых единиц»⁹.

Думается, что избежать умозрительности и субъективизма когнитивная поэтика может только одним способом – повернувшись к тексту как исконному предмету филологических штудий. Именно на этой почве возможен прочный союз с литературоведением, восстановление утраченного единства филологического знания. По определению С. С. Аверинцева, филология непосредственно связана с явлением текста: «Филология – совокупность, содружество гуманитарных дисциплин – лингвистических, литературоведческих и др., – изучающих историю и сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов»¹⁰. За создание текстоведения как интегративной филологической дисциплины ратует Н. С. Болотнова, основатель школы коммуникативной стилистики художественной речи¹¹.

Полагаем, что именно текстоцентричности не хватает современным когнитивным исследованиям. Можно понять озабоченность В. Третьякова тем фактом, что западное когнитивное литературоведение использует художественный текст в иллюстративной функции, как опытное поле для демонстрации общекогнитивных закономерностей¹². В отечественных работах когнитивной проблематики, особенно квалификационных, текст исчезает не только как предмет, но и как материал.

Большим искушением для молодых исследователей, изучающих дискурсивные характеристики концептов, стал «Национальный корпус русского языка»¹³. В результате обращения к корпусным данным текст элиминируется, низводится до поставщика «текстовых фрагментов». В

случае обращения к художественному дискурсу такая автоматизированная выборка является существенным методологическим просчетом, так как базируется на уверенности в том, что художественное слово призвано отражать общеязыковые закономерности, а текстовый фрагмент (микрконтекст) служит надежным критерием для семантизации¹⁴.

Ориентация на микрконтекст отличает работы, выполненные в русле метафорологической теории Д. Лакоффа – М. Джонсона: описание когнитивных механизмов создания образных средств производится в них без учета функциональной нагруженности тропа, его эстетической значимости в художественном целом¹⁵.

Определенным тропоцентризмом отмечена когнитивная концепция поэтического творчества Ж. Н. Масловой, посвятившей свою диссертацию ментальной основе поэтического творчества¹⁶.

Ж. Н. Маслова полагает, что средствами вербализации поэтических концептов являются исключительно тропы: метафоры, метонимии, символы, сравнения и т. д. Но разве слово в прямом номинативном значении не является репрезентантом художественного концепта? В классических работах по стилистике (В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, Г. О. Винокура и др.) не раз обращалось внимание на то, что художественное слово образно не только в том смысле, что оно метафорично, но и в плане так называемой «общей образности» (А. М. Пешковский): слово, обогащаясь разнообразными приращениями смысла, возникающими в контексте художественного целого (в силу «единства и тесноты стихового ряда»¹⁷), семантически деформируется, даже будучи употребленным в прямом номинативном значении. «Совокупность устойчивых ассоциативных эстетических и эмоциональных смыслов, закрепленных за конкретным объектом (поэтическим денотатом)»¹⁸, о которых пишет Ж. Н. Маслова на страницах своей работы, сохраняется и за прямозначной номинацией, потому что художественная (эстетическая) номинативность – иная, нежели номинативность общеязыковая. Для раскрытия поэтических ассоциаций, формирующих семантический ореол поэтического слова, недостаточно микрконтекста – чтобы их обнаружить, нужен пристальный семантико-стилистический анализ эстетического целого – стихотворения, цикла, а иногда и всего творчества поэта.

Дискуссия сторонников теории общей образности с приверженцами теории слова-экспрессы продолжалась на протяжении многих десятилетий прошлого века. Когнитивная парадигма позволяет вернуться к проблеме поэтического образа на новом витке научного знания и соотнести его с концептом.

Из всего массива когнитивной терминологии (концептуальная метафора/модель, когнитивная структура, фрейм, сценарий и т. д.) именно концепт наиболее активно «присваивается» литературо-

ведением. Он же наиболее ярко демонстрирует рассогласованность понятийного аппарата наук, стремящихся к междисциплинарному синтезу.

Концепт является самым популярным термином в современных литературоведческих работах, испытывающих воздействие идеологии когнитивизма, особенно диссертационных¹⁹.

При этом базовое понятие либо вводится без комментариев, либо некритично – путем отсылки к определениям лингвистов, представляющих различные концептологические школы. В результате даже в рамках одной работы ключевое слово «концепт» сопровождается взаимоисключающими спецификаторами: *художественный, идейно-тематический, этнокультурный, психолингвистический, авторский, идеологический, метапоэтический, жанровый, версификационный, духовный, лирический*²⁰.

Такая широкая сочетаемость приводит к десемантизации определяемой лексемы, превращению ее в опустошенный знак, постмодернистский «симулякр».

К сожалению, такая терминологическая неточность отличает не только квалификационные работы, но и солидные академические издания. Так, в 2010 г. ИМЛИ РАН выпустил коллективный труд «Авангард в культуре XX века: Теория. История. Поэтика», претендующий на новую, *комплексную методологию* системного исследования исторического авангарда. В понятийном аппарате исследования фигурирует «концепт». В ключевой статье первой книги «Системообразующие концепты культуры авангарда» автор Ю. Н. Гирин предупреждает: «Понятие “концепты” не означает, что сознание представителей авангардистской эпохи обязательно конкретизировало специфичное для него мироощущение в неких отрефлектированных образах, категориях, понятиях – таковые рационализировались и вычленились отнюдь не всегда. В применении к авангардному типу мышления в целом можно говорить скорее о специфическом комплексе мифологем, культурных архетипов, кодов, представлений, идеологем, сростков смыслов. Концептуализация, категоризация и систематизация их возникает на уровне исследовательской интерпретации»²¹. Другими словами, концепт выступает средством «рационализации культурного дискурса»²².

Проведенный анализ словоупотребления лексемы «концепт» привел нас к выводу о синонимизации концепта, понятия и идеи в публикациях авторов разделов коллективной монографии: концепты «космизм», «утопизм», «креативность», «жертвенность», «футуризм», концепты (они же понятия) «фактура», «сдвиг» и «диссонанс», концепты (они же идеи) «внутренняя модель», «примитивность» искусства и т. д. Но если концепт употребляется как синоним понятия, в чем смысл введения этого термина-дубликата?

Такая рационалистическая трактовка концепта не поддерживается отечественной линг-

вистикой, где концепт в качестве ядерного имеет либо образный (И. А. Стернин), либо ценностный (В. И. Карасик) компонент.

Непроясненными остаются отношения между концептом и традиционной категорией литературоведения – образом²³. Результатом этой нерасчлененности является странный гибрид образ-концепт²⁴.

«Вброс» нового термина в понятийный аппарат исследований художественного текста требует уточнения его соотношения с рядоположенными, но не тождественными понятиями: символом, архетипом, мифологемой, универсалией. В противном случае мы рискуем столкнуться с ложной синонимией.

Рефлексии над терминологией не хватает серии монографий «Теории архетипа», подготовленных А. Ю. Большаковой. Интригующее название третьей книги серии «Архетип – миф – концепт (рубеж XX–XXI вв.)»²⁵ предполагает, в первую очередь, дифференциацию понятий. К сожалению, автор этого не делает. В результате оказывается, что архетип, с одной стороны, – это концепт²⁶ но, с другой – не всякий концепт можно назвать архетипом²⁷; между ними можно усмотреть логические отношения дизъюнкции: архетип или концепт²⁸, но и конъюнкции им не противопоказана: концепты и архетип²⁹. Если еще учесть, что вечные образы и архетипы называются «составляющими единой концептосферы культуры»³⁰, то отношения между терминами окончательно запутываются.

В этой связи всяческой поддержки заслуживает инициатива П. Стоквелла, который предвзвешивает каждую из глав своего учебника «Когнитивная поэтика» списком привычных теоретико-литературных терминов, связанных с рассматриваемой проблемой³¹.

Терминологическая рефлексия поможет исследователям ответить на вопрос: что дает приращение когнитивной терминологии, помогает ли она по-новому концептуализировать объект исследования? Состыковка филологической терминологии – трудная, кропотливая, но чрезвычайно важная работа, которая поможет свести к минимуму риски взаимонепонимания.

Требование рефлексии – как терминологической, так и методологической – поддерживается и другим фактором риска – спекулятивным характером обращения к когнитивистской терминологии, которая может использоваться как дань определенной научной моде. Приведем в качестве примера монографическое издание плодovitого автора учебной литературы по когнитивистике В. А. Масловой «Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой», где заявлен взгляд на поэтический мир с новых позиций – «с точки зрения лингвокультурологии, одного из актуальных направлений современной лингвистики, т. е. сквозь призму концептов»³². На ста пятидесяти страницах текста автор успеваеt рассказать более

чем о двадцати «концептах» поэзии М. Цветаевой: времени и вечности, просторе и России, любви и разлуке, сне и смерти... Стихотворные цитаты перемежаются с собственными интерпретациями, упоминаниями о биографических фактах, отсылками к творчеству других поэтов. Но что нового в поэзии Цветаевой открывается с позиции лингвокультурологии и лингвоконцептологии – остается неясным. Думается, что работа на границе с литературоведением создает для лингвиста дополнительные риски – банальности, некомпетентности, филологического непрофессионализма, которые не преодолеваются одним использованием модной терминологии.

Статус концепта в указанной работе остается неопределенным. Чем он отличается от образа? По каким параметрам реконструируется? Существует ли вообще у автора схема его описания? Считаем, что продуктивность использования термина «концепт» напрямую связана с внятной артикуляцией алгоритма исследования.

Методологический пласт в междисциплинарных проектах представляется особо значимым, ибо от когнитивного поворота ожидают обновления методологической основы исследований художественной речи³³.

Актуализация текстового аспекта исследования в рамках когнитивной поэтики приводит к необходимости различения двух видов анализа: концептуального и когнитивного.

Основная задача концептуального анализа может быть сформулирована как описание и структурирование отдельных индивидуально-авторских концептов, ключевых для изучаемого текста. Конечно, реконструированные таким образом концепты отражают, в первую очередь, исследовательское восприятие произведения. В то же самое время, при корректно проведенном анализе, должна существовать определенная корреляция между исходным авторским концептом, воплощенным в тексте, и концептом, возникшем как результат интерпретации. Степень совпадения/расхождения смысловых объемов авторского и исследовательского концептов зависит от полноты культурологической и собственно литературоведческой «проработки» концепта, общей филологической культуры исследователя.

Когнитивный анализ направлен на то, чтобы определить, «какие компоненты каких когнитивных структур актуализированы на определенном участке текста»³⁴. В фокусе исследования оказываются «ментальное поле» текста и его языковые проекции. Интересные варианты этого вида анализа предложены в работах Л. О. Бутаковой, Л. Г. Бабенко, Ж. Н. Масловой и др.

Результатом когнитивного поэтологического исследования должно стать многомерное описание эстетического объекта. Эта многомерность достигается творческим использованием достижений других – традиционных – разделов литературоведения и союзом с ним.

М. М. Бахтин утверждал, что «каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает»³⁵. Значит, междисциплинарное взаимодействие является не только территорией риска, но и залогом внутреннего обновления науки как социальной системы.

Примечания

- 1 О задаче создания интегральной матрицы современного научного знания как единой модели постановки проблем и их решений см.: Хомутова Т. Научные парадигмы в лингвистике // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 35 (173). Сер. Филология. Искусствоведение, вып. 37. С. 142–151.
- 2 Лотман Ю. О семиосфере // Лотман Ю. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 15.
- 3 Болдырев Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. Тамбов, 2008. С. 13.
- 4 Кубрякова Е. В поисках сущности языка : вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М. ; Тамбов, 2009. С. 23.
- 5 Кубрякова Е. Вступительное слово к круглому столу, посвященному рассмотрению традиционных проблем языкознания в новом свете // Традиционных проблем языкознания в свете новых парадигм знания : материалы круглого стола, апрель 2000 г. М., 2000. С. 9.
- 6 Кубрякова Е. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений // Принципы и методы когнитивных исследований языка. С. 31.
- 7 Платт К. Катакомбы филологии // Новое лит. обозрение. 2011. № 110. С. 36.
- 8 Tsur R. Some Aspects of Cognitive Poetics. URL: <http://www.tau.ac.il/~tsur/> (дата обращения: 25.11.2012).
- 9 Тарасова И. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского) : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. С. 5.
- 10 Аверинцев С. Филология // Литературоведческий энциклопедический словарь. М., 1987. С. 467.
- 11 См.: Болотнова Н. Филологический анализ текста : учеб. пособие. М., 2009. С. 19.
- 12 См.: Третьяков в. Когнитивная наука о литературе // Новое лит. обозрение. 2009. № 4 (98). С. 32.
- 13 URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.11.2012).
- 14 См. многочисленные работы, представленные в много-томном издании «Антологии концептов».
- 15 См. типичную характеристику материала исследования в диссертации, выполненной в русле идей Лакоффа – Джонсона: «Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из русско- и немецкоязычных поэтических текстов XVIII–XX веков, а также их переводные варианты на немецком и русском языках общим объемом около 3500 развернутых примеров» (Рябых Е. Метафоризация концептов природных яв-

- ний в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. URL: <http://ralk.info/uploaddata/fullbook/avtoref/ryabikh.pdf> (дата обращения: 03.01.13).
- ¹⁶ См.: *Маслова Ж.* Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке : дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2011.
- ¹⁷ *Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Литературный факт. М., 1993. С. 54.
- ¹⁸ *Маслова Ж.* Указ. соч. С. 220.
- ¹⁹ См.: *Полтавец Е.* Основные мифопоэтические концепты «Войны и мира» Л. Н. Толстого в свете мотивного анализа : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006 ; *Рослый А.* Данте в эстетике и поэзии акмеизма : система концептов (на материале творчества А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006 ; *Голованова И.* Художественный концепт «вино» в русской поэзии XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007 ; *Забияко А.* Лирика «Харбинской ноты» : культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007 ; *Гребнева М.* Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010 и др.
- ²⁰ См.: *Забияко А.* Указ. соч.
- ²¹ *Гирин Ю.* Системообразующие концепты культуры авангарда // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.) : Теория. История. Поэтика : в 2 кн. / под ред. Ю. Н. Гирина М., 2010. Кн. 1. С. 77.
- ²² Там же. С. 79.
- ²³ Один из путей разрешения этой дихотомии см.: *Иванюшина И., Тарасова И.* Континуальные и дискретные модели представления художественного смысла : образ и концепт // «Образ мира, в слове явленный...» : сб. в честь 70-летия профессора Ежи Фарино. Siedlce, 2011. С. 91–99.
- ²⁴ См. *Усачева А.* Некоторые аспекты воплощения образа-концепта «зима» в творчестве И. А. Бродского // Филологические этюды. Саратов, 2004. Вып. 8. С. 234–238 ; *Прошунин А.* Образ-концепт Странника в раннем творчестве М. Горького (Генезис и типология) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
- ²⁵ *Большакова А.* Архетип – миф – концепт (рубеж XX–XXI вв.). Теории архетипа. Ч. III. Ульяновск, 2011.
- ²⁶ Там же. С. 209.
- ²⁷ «За рамками настоящей главы остались многие концепты, символы, образы или даже детали, неправомерно называемые “архетипами”» (Там же. С. 204).
- ²⁸ Там же. С. 192.
- ²⁹ Там же. С. 46.
- ³⁰ Там же. С. 215.
- ³¹ См. об этом: *Лозинская Е.* Литература как мышление : когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков : Аналитический обзор. М., 2007. С. 29.
- ³² *Маслова В.* Поэт и культура : концептосфера Марины Цветаевой. М., 2004. С. 2.
- ³³ Ср. высказывание В. Третьякова: «Когнитивный подход сулит критике, состоящей из бесконечных интерпретаций и спекуляций, возможность стать наконец полноценно-научными эмпирическими исследованиями» (*Третьяков В.* Указ. соч. С. 322).
- ³⁴ *Бутакова Л.* Когнитивная поэтика : вариант интерпретации текста // Предложение и слово. Саратов, 2002. С. 74.
- ³⁵ *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 25.

УДК 821.133.1.09+929Манчини

СУДЬБА АРИСТОКРАТКИ В МЕМУАРАХ СЕСТЕР МАНЧИНИ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

С. Ю. Павлова

Саратовский государственный университет
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

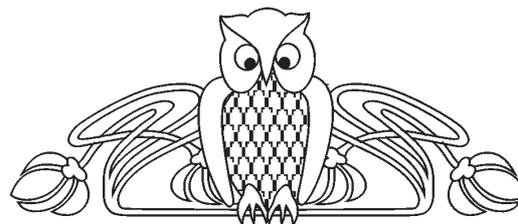
В статье на материале мемуаров Гортензии и Марии Манчини рассматривается проблема социальных рисков, связанных с положением аристократки во французском обществе второй половины XVII в., и мемуаротворчество как способ их снижения.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII в., статус аристократии, социальные риски, Гортензия Манчини, Мария Манчини.

Noblewoman's Fate in Sisters' Mancini Memoirs and the Problem of Social Risks

S. Yu. Pavlova

The article deals with the problem of social risks related to the status of a noblewoman in French society in the second half of the 17th cen-

ture on the material of the memoirs by Hortense and Marie Mancini; writing memoirs is regarded as a means of decreasing these risks.

Key words: memoirs, XVIIth century French literature, aristocracy status, social risks, Hortense Mancini, Marie Mancini.

Мемуары Гортензии и Марии Манчини, племянниц могущественного кардинала Мазарини, опубликованные соответственно в 1675 и 1678 гг., занимают достойное место во французской прозе второй половины XVII столетия. Они представляют собой образец светских мемуаров, рассказывающих о частной жизни знатных аристократок. Содержание этих книг позволяет оценить степень социальных рисков, которым была подвержена